

УДК 82.091
ББК 83.3(2)

ДИАЛОГ ЛИТЕРАТУРЫ С ИСТОРИЕЙ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Л.А. Трубина

Аннотация. В статье проанализированы тенденции изучения исторического содержания русской литературы в филологических исследованиях рубежа XX–XXI вв. Рассмотрены изменения в понятийном аппарате отечественного литературоведения: трактовки термина «историзм», применение междисциплинарной категории «историческое сознание».

Ключевые слова: история и литература, русская литература, российское литературоведение рубежа XX–XXI вв., историзм, историческое сознание в литературе.

MODERN LITERARY STUDY ON THE DIALOGUE BETWEEN LITERATURE AND HISTORY

L.A. Trubina

Abstract. The paper analyses the tendencies of studying the historical content of the Russian literature in philological researches of the end of the 20th century — beginning of the 21st century. The changes in the conceptual apparatus of the Russian literary study are regarded: interpretation the term “historicism”, usage of the interdisciplinary category “historical consciousness”.

Keywords: history and literature, Russian literature, Russian literary study of the end of the 20th century – beginning of the 21st century, historicism, historical consciousness in literature.

429

Анализируя литературоведческие труды последней четверти века, нельзя не отметить изменений, происходящих в категориальном аппарате науки. Так, серьезной трансформации подверглось понятие «историзм». С середины 1980-х гг. оно практически вышло из употребления литературоведов, а ныне

стремительно возвращается в качестве важного принципа и предмета научного исследования. Но возвращается без необходимого терминологического уточнения и учета изменившегося содержания, без сопоставления со смежными и заместившими «исчезнувший» историзм понятиями. Это делает актуальным рассмотре-

ние тенденций изучения исторического содержания литературы в филологических исследованиях последних десятилетий и связанного с анализируемыми процессами движения понятийного аппарата.

Уже в самом начале XX столетия в России, по определению немецкого исследователя Э. Трельча, произошла «коренная историзация знания и мышления» [1, с. 15].

Исследователи литературного процесса XX–XXI вв. нередко говорят об «историческом ренессансе», о «давлении» и даже «диктате истории» в литературе. Этому есть свое объяснение. Наше время можно определить, как «одномоментную» (по Шпенглеру) с рубежом XIX и XX вв. эпоху. Очевидно их типологическое созвучие. Резкий исторический разрыв, распад великой страны, слом многих судеб, длительный идеологический, аксиологический и социальный кризис, сложные поиски выхода... Выдвинув в ходе бурных дискуссий начала прошлого века ряд философских и социальных концепций, Россия в своей практике испытала часть из них — и на новом историческом витке вновь вернулась к «проклятым вопросам» русской и мировой мысли. Сама история — из числа таких вопросов. «...Мы все еще до сегодняшнего дня ждем ответа философа, на каком языке написана история и как ее надлежит читать», — по-прежнему актуально звучат слова, сказанные О. Шпенглером в «Закате Европы» [2, с. 6].

В поиске ответов на вопросы, поставленные историей, литература не просто стоит в едином культурно-историческом контексте с другими гуманитарными науками, видами искусства, философией, но и во мно-

гом опережает их, создает новый философский и эстетический синтез, выступая своеобразной творческой лабораторией исторического и духовного опыта.

В.В.Зеньковский отмечал, что русская мысль «сплошь историософична», она постоянно обращена к вопросам о смысле истории, ее начале и конце, законах исторического развития [3, с. 16]. Комплекс устойчивых историософских идей сложился в русской культуре начиная с летописей, поднимавших вопрос, откуда пошла Русская земля, «Слова о Законе и Благодати» митрополита Иллариона, формировавшего нравственные оценки исторического бытия. Особое значение в становлении историософской проблематики имела литература XIX в. в лице А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, западников и славянофилов, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. В круге дискутируемых идей — важнейшие для отечественной культуры размышления о смысле истории, месте России в мировом историческом и космическом процессе. На каждом поворотном этапе развития художники вновь и вновь возвращаются к главной историософской проблеме, суть которой выражена в пророческом пушкинском вопросе: «Куда ты скачешь, гордый конь, // И где опустишь ты копыта?». Склонность к историософской рефлексии, особый интерес к судьбе России и ее народа, внимание к прошлому в сочетании с критикой настоящего и устремленностью к будущему, с напряженными исканиями нравственной правоты исторического бытия представляют собой нерв русской литературы, ее важнейшую национальную черту.

Исследование художественной литературы разных веков в широком культурно-историческом контексте, во взаимосвязях с историей, философией, религией позволяет увидеть целостность отечественной культуры и относится к числу важнейших направлений современной гуманитарной науки.

В 1990-х гг. было осмыслено в научном плане и вошло в категориальный аппарат литературоведения понятие «историческое сознание» [4]. Де-факто оно использовалось в смежных областях гуманитарного знания, прежде всего, в исторических науках, но редко и преимущественно в общем, а не терминологическом значении употреблялось в филологии. Важнейшим инструментом литературоведческого исследования вплоть до 1990-х гг. была категория «историзм», однако начиная с 1990-х гг. на протяжении почти четверти века в работах ученых это понятие употреблялось крайне редко. Тому есть ряд причин — как собственно филологических, так и внелитературных.

Начиная со второй половины 1980-х гг. гуманитарное знание вступило в затяжной методологический кризис, который, по утверждению ряда исследователей, не преодолен и в настоящее время [5]. Кризисные процессы в методологии развивались почти одновременно в России и за рубежом, при этом практически не соприкасаясь. За рубежом они были обусловлены отторжением идей позитивизма и традиционных концепций истории. Попытки найти новые основания для описания взаимоотношений исторической науки и литературы с действительностью привели к формированию теории «нового исто-

ризма» (new historicism). Ее последователи исходят из принципиальной невозможности постигнуть объективные закономерности исторического развития. Развивая взгляд на культуру как «миметическую практику», они рассматривают историю как текст, утверждают равноправие истории и литературы в качестве своеобразных дискурсов [6, с. 292-294].

В России кризис был вызван сменой ценностных ориентиров, переходом от единой (и единственной) идеологии, единой методологии к множественности идей, концепций, точек зрения, интерпретаций. Эта смена происходила революционным путем, с излишней, противопоказанной науке поспешностью, яростным стремлением поквитаться со всем, что так или иначе было связано с советским периодом истории. «С парохода современности» были «сброшены» не только писатели, составившие гордость отечественной и мировой литературы, но и вся методология советского литературоведения. В этом ряду была отторгнута как догматическая категория «историзм», которая являлась основополагающей для литературоведческих исследований советского периода (Н. Воробьева, С. Кормилов, Г.М. Ленобль, В. Сомов, И.М. Тойбин, С. Травников и др.).

Безусловно, идеологические факторы оказали серьезное влияние на содержательное наполнение термина «историзм» и его использование в оценке литературных произведений. В 1970–1980-х гг. проблема историзма была фактически исключена из круга вопросов, подлежащих научной дискуссии и дальнейшему изучению. «Подлинный» («научный», «зрелый» и т.д.) историзм считался

свойством только марксистского мировоззрения и единственного творческого метода — социалистического реализма. Литература в подобных случаях не столько исследовалась, сколько оценивалась в русле оппозиции революционный — реакционный, историзм — антиисторизм. В известной работе по проблемам исторического романа всерьез дискутировался, к примеру, вопрос, можно ли говорить об историзме произведения, которое показывает человеческие качества царя, его сомнения, колебания. Начиная с 1990-х гг., напротив, антиисторической (с характеристикой через понятия миф, утопия, социальный эксперимент, советский проект, канон и проч.) признавалась литература советского периода, связанная с революционными идеалами. Таким образом, научная категория (историзм) превратилась в оценочное понятие, потеряв терминологическую определенность.

Кроме того, анализ исторического содержания литературы в отечественной науке был сведен преимущественно к исследованию исторического жанра. Но художественная рефлексия истории не является принадлежностью только этого жанра и, с другой стороны, жанровый подход не является единственно возможным при изучении исторического сознания в литературе. Установленные жанровые дефиниции ограничивали возможность других контекстов рассмотрения явлений искусства слова. С особой наглядностью это проявилось в отношении к произведениям 1920–1930-х гг., смысловым и эмоционально-психологическим центром которых является историософская рефлексия на идеи и практику революци-

онного преобразования мира. Созданные свидетелями событий «Тихий Дон» М. Шолохова, «Хождение по мукам» А. Толстого, произведения М. Булгакова и А. Платонова, возвращенные культуре на рубеже 1990-х гг. «Оканные дни» И. Бунина, «Несвоевременные мысли» М. Горького, книги авторов Русского Зарубежья рассматривались как произведения о современности, что ограничивало понимание заключенных в них историософских смыслов. Авторы, рассказывая не об *абсолютном* историческом прошлом, а о личном опыте, о пережитом вместе со страной на великом историческом переломе, сыграли выдающуюся роль в формировании исторического сознания не только литературы, но и общества в целом.

Отмеченные факторы обусловили необходимость выйти в исследованиях за рамки изучения конкретного жанра в более широкий интертекстуальный и междисциплинарный контекст, рассмотреть явления литературы в синхронии и диахронии, включить в исследование не только художественную литературу, но публицистику, документалистику. Такое расширение контекста позволило сконцентрировать внимание на сложившемся в русской культуре на протяжении нескольких веков целостном историософском комплексе, в формировании и осмыслении которого роль литературы трудно переоценить.

Отечественная наука подходила к междисциплинарному рассмотрению исторического содержания литературы начиная с 1960-х гг. Когда Д.С. Лихачев писал о «монументальном историзме» искусства XI–XIII веков и связывал разницу между древ-

ней и новой литературой с появлением исторического сознания, он зафиксировал тем самым различия двух употребленных категорий, не давая при этом их терминологического определения [7, с. 185-186.]

В 1970-1980-х гг. литературоведы начали постепенно преодолевать инерцию идеологизированных представлений об историзме. По-разному, например, стало определяться время возникновения историзма как свойства художественного мышления. Исследователи исторического жанра традиционно относят возникновение историзма к началу XIX века, связывая его с появлением исторического романа В. Скотта на Западе и исторических произведений А.С. Пушкина в России. Более того, историзм долгое время считался характерной чертой именно *реалистической* литературы, т.к. идея развития (суть историзма) представлялась краеугольной для реалистического художественного сознания [8]. Но в 1980-х гг. ученые заговорили о *разновидностях историзма*, об отличиях, например, «реалистического историзма» от историзма «романтического» или «просветительского». Основанием, позволяющим дифференцировать эти явления, были признаны «варианты философии истории», отличающиеся представлениями о логике и смысле исторического движения. Так, было отмечено, к примеру, наличие «средневекового историзма» и такой его формы, как историзм «*провиденциальный*», восходящий в своих истоках к средневековому теологическому мышлению [9, с. 68]. С. Аверинцев сдвигал временную границу еще дальше и писал о «библейском мистическом историзме»

[10, с. 68]. А.Ф. Лосев говорил о «мифологическом историзме» [11, с. 57], в другой работе противопоставлял мифологизм историзму [12, с. 31-39].

Исследователи классической русской литературы писали об отличиях историзма «реалистического» от «романтического» или «просветительского» — и эта традиция продолжается на современном этапе при изучении проблем исторического сознания в литературе разных веков [13]. В. Касаткина писала о романтическом историзме Тютчева, которого «увлекала не столько фактическая сторона истории, сколько философия ее. Что такое историческое прошлое и можно ли его познать? Как соотносятся между собой былое и современное? Как достигается бессмертие в историческом процессе? Какое место в истории занимает великая личность («наполеоновская тема»)? Что такое рок? В чем заключаются мировые судьбы («римский вопрос»? Каковы исторические судьбы России и славянства?» [14, с. 60-61]. В приведенных рассуждениях понятие «историзм» уже не связано с конкретным творческим методом и определенным этапом истории литературы. Исследователи, по сути, вели речь об историософской проблематике, отражении в текстах понимания писателями смысла истории. Так формировалось представление о смысловом поле исторического сознания в литературе различных периодов. Показательно, что подобный подход не получил в те годы распространения в работах, исследовавших литературу советского периода, в силу особой жесткости идеологических установок.

Понятие «историзм» в результате все больше теряло свою «закреплен-

ность» за марксистским пониманием исторического процесса и приобрело общее значение: свойство мышления, включающее представления о времени, о смысле истории. В этом значении термин «историзм» чрезвычайно близок понятиям «философия истории» и «историческое сознание», не введенным в те годы в литературоведческий оборот. Такая близость объяснима, поскольку все рассматриваемые явления в основе своей имеют представления о времени и связи времен. Однако эти понятия не тождественны. В. Оскоцкий, рассуждая о гносеологической основе взаимодействия литературы и истории, писал об историческом сознании Шекспира, «чьи идеи и образы воплощали как художественную, так и научную мысль эпохи английского Ренессанса», не разъясняя смысла использованной категории и в дальнейшем рассматривая на примере конкретных произведений вопрос о «содержательности историзма» советского философского романа [15, с. 10]. С.А. Коваленко размышлял об историзме художественного сознания литературы: «...Историзм художественного сознания литературы как воплощение и реализация связи времен проявляется во всей системе художественного мышления, во всех компонентах процесса, начиная с выбора темъ» [16, с. 171]. «Историзм художественного сознания» в таком понимании — синоним исторического сознания.

Категория «историзм» оказалась перегруженной существенно различающимися значениями. С. Кормилов, изучавший теоретические аспекты художественного историзма, привел свыше пятнадцати основных значений термина. Констатировав появ-

ление «историзма без берегов», исследователь в середине 1980-х гг. высказал догадку о том, что работы, дающие слишком расширительные определения историзма, «посвящены не ему, а имеющему более обширный статус как во времени, так и по количеству охватываемых аспектов понятия» [17, с. 90].

В результате к 1990-м гг. понятие «историзм» все чаще обозначало свойство мышления, включающее представление о времени, о смысле истории. В этом значении термин «историзм» чрезвычайно близок понятиям «философия истории» и «историческое сознание». В Краткой философской энциклопедии (1994 г.) историческое сознание трактовалось как синоним историзма: «Историзм — историческое сознание, то есть сопровождающее всякое познание сознание того, что все является ставшим, даже духовное бытие» [18, с. 190].

К концу XX в. за термином «историзм» закрепилось понимание его как одного из принципов подхода к действительности. Суть историзма составляет рассмотрение действительности в развитии, взаимных связях, взаимообусловленности. Максимально точное определение историзма в таком значении было дано В.И. Лениным, призывавшим «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [19, с. 67]. Историзм, согласно этому определению, — качество мышления, признающего развитие.

Но такое понимание по-прежнему не является единственным. Для большинства работ 2000-х гг. характерна расширительная трактовка понятия «историзм». «Историзм в литературе — художественное освоение конкретно-исторического содержания той или иной эпохи, а также ее неповторимого облика и колорита», — дано определение в Литературной энциклопедии терминов и понятий (2003 г.). В таком понимании историзм является свойством фактически любого произведения. В последовавшем уточнении (историзм истинного искусства раскрывается в «способности художника охватить жизнь в ее движении и развитии, изобразить ее как превращение прошлого в будущее, — иначе и нельзя воплотить настоящее») слышна полемика автора статьи В. Кожина с тенденцией нового века нарушить это свойство подлинного (подчеркнуто в статье неоднократно) искусства [20, с. 322].

Понятие «философия истории» предполагает определенную *систему* представлений о движущих силах, направлении и смысле исторического процесса (вплоть до отрицания закономерностей и смысла истории вообще) и целом комплексе других историософских проблем. Но художественные произведения, как правило, не несут в себе целостные философско-исторические концепции, они отражают индивидуальные авторские взгляды, прозрения, предчувствия. В этой связи чаще пишут об историософских представлениях писателя. Смысл понятия «историософия» и производные от него трактуются нами как система *общих идей* и представлений автора о времени, общие направления его размышле-

ний о смысле истории, «общие принципы философствования в истории» (по определению Н.И. Кареева) [21].

Следовательно, сама логика развития научной мысли привела к необходимости уточнения категориального аппарата исследования исторического содержания литературы. Сделать это позволяет применение методики междисциплинарного исследования, использующего научный аппарат смежных дисциплин (истории, философии, психологии) с учетом специфики каждой из них. Вторым фактором стало снятие на рубеже 1980–1990-х гг. сдерживающих запретов и ограничений на доступ к широкому кругу художественных, публицистических, научных работ по историософской проблематике, в том числе дореволюционных и немарксистских (Н. Бердяев, М. Блок, В.И. Герье, Л. Карсавин, М. Стасюлевич, М.С. Тартаковский, Э. Трельч, М. Элиаде, К. Ясперс, Gossman и др.). Стало очевидным огромное опережение, с которым литература формировала самобытные авторские представления об истории, по отношению к научным подходам в области не только литературоведения, но и собственно исторической науки. Под влиянием обозначенных, по сути, революционных перемен литературоведы, начиная со второй половины 1980-х гг. ведут системное изучение широкого спектра проблем взаимодействия философии, истории и художественного творчества. Исследование философского содержания литературы, взаимосвязей поэтики и миропонимания художников стало ведущим направлением литературоведения 1990-х – 2000-х гг., что подтверждают фундаментальные работы ученых ИМЛИ им. А.М. Горького РАН Н.В. Корниен-

ко, С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой [22; 23]. Принципиальная позиция исследователей, пишущих об «органическом сродстве» философии и литературы, выражается в постулировании особого характера этого «сродства» (вопреки «вульгарному социологизму» предшествующих лет): «в литературе философия живет в особом плодотворном статусе многоголосия, живого диалога и полилога, вопросительной открытости, незавершенности. Сама объемно-художественная, диалогическая ткань литературы, где сосуществуют различные идейные установки, где играет стереоскопия метафизических подходов к вечным вопросам мирового и человеческого бытия <...>, не может охватываться линейно-однозначным мировоззрением» [24, с. 6]. К концу XX в. были найдены новые методологические подходы к интерпретации хрестоматийных текстов, что позволило раскрыть их глубинные смыслы, не прочитывавшиеся по идеологическому коду. Авторы значительного числа работ уделили внимание историософской проблематике литературы, рассматривая ее специально или затрагивая отдельные аспекты на полях своих исследований. Об историософских увлечениях литературы 1920-х гг. одной из первых написала Г. Белая, рассмотревшая теоретические взгляды А. Воронского и группы «Перевал» и своеобразие художественно-философской концепции Б. Пильняка [25]. Обратим внимание на то, что еще в 1920-х гг. А. Воронский отметил своеобразие историософии Б. Пильняка, который осмыслил революцию в контексте дискуссий об исторической судьбе России [26; 27]. Недооценка этой оригинальной концепции и стандартный подход к изо-

бражению революционной эпохи привели к вычленению из целостного художественного мира писателя одного, да и то плоскоотно воспринятого элемента: обобщенного образа героев революции — «кожаных курток». В понятийный аппарат литературоведения вошли философские категории. Натурфилософию и философию истории в творчестве М. Шолохова исследовала А.М. Минакова [28]. Она описала эпическую и трагедийную картину мира в прозе писателя, используя ранее не применявшийся в шолоховедении теоретический инструментарий мифопоэтики. Это направление получило развитие в современной науке. Углубленно и по-новому предстали классические произведения М. Шолохова в работах, акцентировавших их историософскую проблематику. В обновленном социокультурном и историко-литературном контексте, на основе скрупулезного анализа поэтики осмыслено шолоховское изображение катастрофического разлома народного бытия, взаимоотношений народа и личности, мира и войны, человека и природы, национальные архетипы, мифопоэтика, религиозная основа художественных текстов Шолохова, роль народной смеховой культуры в преодолении трагизма социального бытия (работы Ю.А. Дворяшина, Д.В. Поля, Л.Г. Сатаровой С.Г. Семеновой, Я.В. Солдаткиной и др.) [29-32].

Усилилось внимание исследователей к религиозной аксиологии произведений писателей XX века. Православные корни русской литературы от древности до современности акцентировал И.А. Есаулов. В основе его концепции лежит категория соборности, глубоко связанная с доминантным для отечественной куль-

туры типом христианской духовности. Соборность, по определению автора, — категория религиозно-философской мысли, именно в силу этого она нередко выносится из сферы собственно литературоведения как явление для него «не специфическое» [33, с. 12-13]. Последовательно, на примере литературных произведений различных исторических периодов — от древней литературы до последних книг В. Астафьева — И. Есаулов доказывал, что категория соборности определяет характерные особенности поэтики отечественной литературы, а значит, является предметом литературоведческого исследования.

В самобытной религиозной философии, по наблюдениям С. Семеновой, сформировался особый «русский поворот в философском взгляде». В рамках этого философствования вычленяется ряд важнейших черт, в числе которых — *«эсхатологизм, обращенность к последним временам и срокам, чаяние радикального преобразования мира», «историософичность, особый интерес к истории как полосе перехода от данного к чаемому должному» и антропологизм — «центрированность на природе человека», в том числе на взаимоотношениях с другими, с обществом и историей* [34, с. 5].

В центре исследования К. Исупова — особое качество русской историко-философской мысли, определенное термином А.И.Герцена «эстетика истории». Он ведет речь об отношении к истории как человеческому зодчеству жизни, о восприятии прошлого и действительности как художественного произведения, как органической целостности, «текста». На примере произведений писателей XX века (преимущественно его нача-

ла) Исупов рассматривал философско-исторические поиски художников и формы представления ими исторического знания [35].

В последнее десятилетие значительно расширился материал исследования исторического сознания. В различных историософских аспектах активно изучаются произведения XVIII века (К.Ю. Кокшенова, О.М. Гончарова и др.). Сопоставляются произведения исторического жанра и тексты, напрямую к нему не относящиеся, но включающие в себя исторические реминисценции.

Очевидны новые подходы к изучению русской классики. В фундаментальной монографии В.И. Коровина убедительно показано, что Пушкин не только в исторических, но и в художественных сочинениях стремился найти ключ к постижению русской истории. Исследователь размышляет об обширном историческом замысле писателя, показывает особенности отражения автором эпохи перехода от долгого Средневековья до Нового времени и выводит важные закономерности сосуществования прошлого и настоящего, востока и запада в художественном мире Пушкина. «Маленькие трагедии», в которых нет места русским сценам, тем не менее обращены в живую национальную современность. А в «Повестях Белкина», где «вместо исторических сюжетов торжествует и правит бал современность», национальный опыт жизни осмыслен в контексте размышлений о перспективах истории, воздействии западного мира на российскую самобытность. «Маленькие трагедии» и «Повести Белкина» предстают как художественное целое, в котором «два мира — русский и западный — суще-

ствуют отдельно и вместе» [36, с. 11, 12, 15-16].

Конец 1990-х – начало 2000-х гг. отмечены рядом обобщающих трудов в области изучения литературы XX в., затрагивающих проблемы историософии, философии истории на материале конкретных авторов, тематических и стилевых направлений (И.Л. Бражников, Н.Ю. Грякалова, Е.А. Лядова, П.Г. Опарин, Л.А. Трубина, Т.Н. Фоминых, В.В. Чаг, Е. Яблоков и др.).

Междисциплинарная методология лежит в основе работ В.А. Славинной по проблеме идеала как философско-эстетического явления. Представляя художественные характеристики идеала в разных видах искусства слова — литературе, журналистике и публицистике, — автор в качестве одного из примеров его воплощения рассматривает историософию М. Волошина [37]. Проблематика исторического сознания в литературе стала ведущим направлением исследования в работах коллектива кафедры русской литературы XX-XXI веков института филологии Московского педагогического государственного университета (МПГУ). Традиции междисциплинарного подхода, прочтения литературных сочинений в философско-эстетическом и историософском аспектах имеют истоки в трудах выдающихся филологов, философов и историков «московской школы» — основателей первого в России высшего учебного заведения для женщин (МВЖК-2 МГУ-МГПИ-МПГУ) В.И. Герье, В.И. Вернадского, А.Ф. Лосева и их последователей.

Говоря о литературе XX века, можно констатировать, что к настоящему времени наиболее полно исследовано

историческое сознание в литературе первой половины столетия, произведения последующих периодов в рассматриваемом аспекте системно не изучались. Недостаточно изучены активные процессы в прозе военной, деревенской, городской, собственно исторической, которые осмысливали историософскую проблематику через специфические для своих тематических направлений проблемные комплексы и художественные приемы. И совсем единичны работы, в которых рассмотрена трансформация содержания, свойств и форм исторического сознания в литературе новейшего периода.

Между тем в 2010-е гг. стало заметным пробуждение интереса писателей к историческому повествованию. Исследователи в большинстве своем дали негативную оценку новым тенденциям, продолжая писать о вялости духа, оскудении в современном мире «идей глобального и эпохального масштаба», всегда питавших русскую литературу [38, с. 12], об отсутствии на фоне трагедий XX в. значимого исторического содержания, которое могло бы дать толчок художественному поиску [39, с. 8].

Литература начала восприниматься в качестве альтернативы находящейся в кризисе исторической науке. Произошло, по определению критиков, «олитературивание» истории вместо свойственного XX веку ее «онаучивания». Неоднозначное отношение вызывает изменение форм представления исторического содержания в литературе. Даже в жанре исторического романа авторы строят свои взаимоотношения с историей в формах литературного эксперимента. В этой связи постмодернистская проза об истории характеризуется

как псевдоисторическая — в том значении приставки «псевдо-», которое определил М. Эпштейн: «преступление границ реальности, нарастание иллюзорности, что характерно для второй половины XX века, постепенное осознание мнимости предшествующих построений» [40, с. 31]. И. Ащеулова увидела в псевдоисторической прозе постмодернистов отражение усилившегося интереса к национальной истории, «поиск национальной идентичности, новой аксиологической парадигмы, новой историософии» [41, с. 227].

Отторжение официальных концепций истории обусловило развитие альтернативной исторической романистики (ее определяют также понятием «историческая фантастика») [42]. Распространенная на западе, в русской литературе эта тенденция начинает развиваться еще в 1960-е годы в прозе В. Сосноры и В. Аксенова, отчетливо обозначает свои особенности на рубеже 1980–1990-х гг. «Палисандрией» Саши Соколова, а затем произведениями В. Пьецуха, В. Шарова, Ю. Буйды, В. Пелевина, Ю. Дружникова и др. В дискурсе постмодернизма мировоззренческой основой художественной практики стало признание множественности равнозначных исторических позиций, скепсис по поводу исторической истины вплоть до отрицания познаваемости смысла истории в принципе, деконструкция, домисливание и изменение истории по желанию автора (Ю.С. Райнеке, В.И. Демин и др.). Постмодернистам свойственна перекодировка исторических сюжетов, представление альтернативных вариантов истории или ироничная/сатирическая рефлексия

по поводу реальных исторических событий и фигур. Опираясь на игровое начало в искусстве, писатели ведут игру в историю и игру с историей, деформируют исторические сюжеты, нередко пародируя официальную историографию и литературную традицию. Исследователи отметили в произведениях названных авторов широкое использование приемов, еще недавно не характерных для произведений об истории: гротеска, пародии; утопических и антиутопических мотивов, изотерики, фантастики, подчеркнутого натурализма, ориентированного на эпатаж.

Современное состояние литературы характеризуется воздействием массовой культуры, медийных форм общения, в связи с чем Е. Ермолин пишет о принципиальных изменениях от «нации книги» к «нации зрелищ». По ироничной оценке Н. Ивановой, задачей многих современных авторов является создание новой мифологии о себе, группе, поколении, времени и своей в нем роли [43–44].

Влиянием масскульта объясняет Я. Солдаткина ставку на занимательность, характерную для современных произведений на исторические темы. Заведомая авантюризм характерна для детективных романов Б. Акунина (Г. Чхартишвили) и произведений о жизни мифической «еврокитайской» страны «Ордусть» коллективного автора фон Зайчика. Здесь нельзя не заметить определенную традицию, представленную, к примеру, произведениями В. Пикуля, который нередко использовал в своих произведениях не столько исторические факты, сколько исторические анекдоты, любовно-приключенческие сюжеты. Тотальное влияние масскульта на лите-

ратурный процесс выразилось в расцвете псевдоисторических романов, в числе которых «Цветочный крест» Е. Колядиной, получивший в 2010 г. премию «Русский Букер». Но, характеризуя эти процессы как кризисные явления в современном историческом сознании, исследователь отмечает развитие и других литературных стратегий исторического повествования. Они отвечают запросу на серьезное прочтение проблем истории и свидетельствуют о преодолении постмодернистских тенденций в культуре. Оригинальностью взгляда и обновлением реалистического письма за счет наличия своеобразных форм, включая приемы занимательности, отличаются произведения З. Прилепина, А. Терехова, А. Иванова, Л. Юзефовича. Философско-аксиологические акценты в произведениях Е. Водолазкина и А. Харламова позволяют говорить про обновление традиции русского историософского романа в новейшей литературе [45, с. 29-36].

Аналитическими тенденциями, самобытными историософскими концепциями отмечены произведения Д. Балашова, Л. Бородина, Д. Гранина, И. Ефимова, Ю. Давыдова, В. Пьецуха. Появилась кагорта молодых писателей (М. Попов, А. Сегень, В. Гусев, М. Крупин, Б. Голлер и др.), произведения которых включают изображение истории на фоне современности, историософскую рефлексию и заставляют говорить о необычных творческих экспериментах современных авторов.

Литературоведы, в том числе зарубежные, выделили новые разновидности исторического жанра. Например, как масонский роман были прочитаны произведения Хераскова.

Определение «историко-фантастический роман» («ретро-фантастика») получили произведения В. и Я. Давидовских, Ю. Дружникова, мелодрамой на историческую тему назван «Хоровод» А. Уткина.

Стремление воссоздать «белые пятна» истории, дать свою интерпретацию даже известным фактам отличает произведения Ю. Дружникова («Русские мифы»), Л. Юзефовича («Самодержец пустыни»), Н. Ковалю («Крутиловка Тридцатого Года»). История России стала темой стихов целого ряда поэтов: В. Артемова, О. Кочеткова, К. Коледина, М. Попова. Получили развитие мемуары, автобиографическая и художественно-документальная проза на историческом материале.

Исследователям еще предстоит проанализировать концепции, взгляды и представления, которые лежат в основе этих произведений. При всем понимании особенностей художественного отражения действительности говорить о роли альтернативных позиций в формировании взглядов на проблемы истории, об органичности соединения «мысли научной» с «мыслью художественной» в литературе новейшего периода еще преждевременно. Возможно, оно из основных ее достижений состоит в поддержании свойственного отечественной культуре интереса к истории. Вызывая дискуссию, литература побуждает искать собственные оценки поставленных историей проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Трельч, Э.* Историзм и его проблемы [Текст] / Э. Трельч. — М., 1994.
2. *Шпенглер, О.* Закат Европы [Текст] / О. Шпенглер. — Т. 1. — М.-Пб., 1923.

3. *Зеньковский, В.В.* История русской философии [Текст] / В.В. Зеньковский. — Т. 1, Ч. 1. — Л., 1991.
4. *Трубина, Л.А.* Историческое сознание в русской прозе 1-й трети XX в.: Проблематика. Поэтика [Текст] / Л.А. Трубина: Дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1999.
5. *Чураков, Д.О.* В битвах за историзм: проблемы изучения Великой Русской революции 1917 года и постреволюционного режима [Текст] / Д.О. Чураков. — М., 2016.
6. Западное литературоведение XX века: Энциклопедия [Текст]. — М., 2004.
7. *Лихачев, Д.С.* В чем суть различий между древней и новой русской литературой [Текст] / Д.С. Лихачев // Вопросы литературы. — 1965. — № 5.
8. *Сучков, Б.Л.* Исторические судьбы реализма [Текст] / Б.Л. Сучков. — М., 1975.
9. *Фрилендер, Г.М.* История и историзм в век Просвещения [Текст] / Г.М. Фрилендер // ХУШ век. Сб. 13. Проблемы историзма в русской литературе. Конец ХУШ — начало XIX в. — Л., 1981.
10. *Аверинцев, С.* Поэтика ранневизантийской литературы [Текст] / С. Аверинцев. — М., 1977.
11. *Лосев, А.Ф.* Историческое время в культуре классической Греции (Платон и Аристотель) [Текст] / А.Ф. Лосев // История философии и вопросы культуры. — М., 1975.
12. *Лосев, А.Ф.* Античная философия истории [Текст] / А.Ф. Лосев. — М., 1977.
13. *Семенкин, А.К.* Проблема романтического историзма в романе Н.А.Полевого «Клятва при гробе Господнем» [Текст] / А.К. Семенкин: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2016.
14. *Касаткина, В.Н.* Поэтическое мировоззрение Тютчева [Текст] / В.Н. Касаткина. — Саратов, 1969.
15. *Оскоцкий, В.* Роман и история [Текст] / В. Оскоцкий. — М., 1980.
16. *Коваленко, С.А.* Связь времен в художественной структуре поэмы [Текст] / С.А. Коваленко // Проблемы историзма в русской советской литературе (60–80-е годы). — М., 1986.
17. *Кормилов, С.И.* Теоретические аспекты художественного историзма [Текст] / С.И. Кормилов // Проблема историзма в русской сов. литературе 60-80-х годов. — М.: Наука, 1968 — С. 67-97.
18. Краткая философская энциклопедия [Текст]. — М., 1994.
19. *Ленин, В.И.* Полн. собр. соч. [Текст] / В.И. Ленин. — Т.39.
20. Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] / под ред. А.Н. Николюкина. — М., 2003.
21. *Кареев, Н.И.* Моим критикам. Защита книги «Основные вопросы философии истории» [Текст] / Н.И. Кареев. — Варшава, 1884.
22. *Гачева, А.* Философский текст русской литературы 1920–1930-х гг. [Текст] / А. Гачева, О. Казнина, С. Семенова. — М., 2003.
23. *Семенова, С.* Метафизика русской литературы: в 2-х т. [Текст] / С. Семенова. — М., 2004.
24. *Семенова, С.* Русская поэзия и проза 1920-1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия [Текст] / С. Семенова. — М., 2000.
25. *Белая, Г.А.* Дон-Кихоты двадцатых годов: «Перевал» и судьба его идей [Текст] / Г.А. Белая. — М., 1989.
26. *Трубина, Л.А.* «Несвоевременные мысли» Бориса Пильняка [Текст] / Л.А. Трубина // В поисках истины. М., 1993. — С.113-119.
27. *Трубина, Л.А.* К вопросу о природе антиномии Россия-Запад в историософской концепции Бориса Пильняка [Текст] / Л.А. Трубина // Б.А. Пильняк. Исследования и материалы / отв. ред. А.П. Ауэр. — Вып. 3-4. — Коломна, 2001. — С. 67-73.
28. *Минакова, А.М.* Художественный мифологизм эпике М.А. Шолохова: сущность и функционирование [Текст] / А.М. Минакова: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1992.
29. *Семенова, С.* Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию [Текст] / С. Семенова. — М., 2005.
30. *Дворяшин, Ю.А.* Шолохов и русская литературная классика второй половины XX в. [Текст] / Ю.А. Дворяшин. — М., 2008.
31. *Поль, Д.В.* Универсальные образы и мотивы в реалистической эпике М.А. Шолохова [Текст] / Д.В. Поль: дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008.

32. Солдаткина, Я.В. Мифопоэтика русской прозы 1930-1950-х годов (А.П. Платонов, М.А. Шолохов, Б.Л. Пастернак) [Текст] / Я.В. Солдаткина: дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2012.
33. Есаулов, И.А. Категория соборности в русской литературе [Текст] / И.А. Есаулов. — Петрозаводск, 1995.
34. Семенова, С. Метафизика русской литературы: в 2-х т. [Текст] / С. Семенова. — М., 2004.
35. Исупов, К.Г. Русская эстетика истории [Текст] / К.Г. Исупов. — СПб., 1992.
36. Коровин, В.И. Россия запад в болдинских произведениях А.С. Пушкина («Моцарт и Сальери», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина») [Текст] / В.И. Коровин. — М., 2013.
37. Славина, В.А. В поисках идеала: История русской литературы первой половины XX века [Текст] / В.А. Славина. — М., 2011.
38. Зиновьев, А. Русский эксперимент [Текст] / А. Зиновьев. — Lausanne, 1995.
39. Ермолин, Е. Последние классики. Русская проза последней трети XX века: вершины, главные тексты и ландшафт [Текст] / Е. Ермолин. — М., 2016.
40. Эпштейн, М. Постмодерн в России: литература и теория [Текст] / М. Эпштейн. — М., 2000.
41. Ащеулова, И.В. Восприятие исторической прозы XX века в качестве «удаленного» контекста постмодернистской псевдо-исторической прозы [Текст] / И.В. Ащеулова // Историко-функциональное изучение литературы и публицистики: истоки, современность, перспективы / Материалы международной научно-практической конференции. — Ставрополь, 2012. — С. 226-231.
42. История в зеркале литературы и литературоведения (Материалы международной научной конференции, состоявшейся в Гданьске в августе 2001 г.) [Текст]. — Гданьск, 2002.
43. Иванова, Н. Преодолевшие постмодернизм [Текст] / Н. Иванова // Знамя. — 1998. — № 4.
44. Иванова, Н. В полоску, в клеточку и мелкий горошек. Перекодировка истории в современной русской прозе [Текст] / Н. Иванова // Знамя. — 1999. — № 4.
45. Солдаткина, Я.В. Современная словесность: актуальные тенденции в русской литературе и журналистике [Текст]. — М., 2015.

REFERENCES

1. Averincev S., *Poetika rannevizantijskoj literatury*, Moscow, 1977. (in Russian)
2. Belaya G.A., *Don-Kihoty dvadcatykh godov: "Pereval" i sudba ego idej*, Moscow, 1989. (in Russian)
3. Churakov D.O., *V bitvah za istorizm: problema izucheniya Velikoj Russkoj revoljucii 1917 goda i postrevolyucionnogo rezhima*, Moscow, 2016. (in Russian)
4. Dvoryashin Yu.A., *Sholohov i russkaya literaturnaya klassika vtoroj poloviny XX v.*, Moscow, 2008. (in Russian)
5. Epshtejn M., *Postmodern v Rossii: literatura i teoriya*, Moscow, 2000. (in Russian)
6. Ermolin E., *Poslednie klassiki. Russkaya proza poslednej treti XX veka: vershiny, glavnye teksty i landshaft*, Moscow, 2016. (in Russian)
7. Esaulov I.A., *Kategoriya sobornosti v russkoj literature*, Petrozavodsk, 1995. (in Russian)
8. Fridlender G.M., "Istorija i istorizm v vek Prosveshcheniya", in: *XVIII vek, Sb. 13, Problemy istorizma v russkoj literature. Konets XVIII – nachalo XIX v.*, Leningrad, 1981.
9. Gacheva A., Kaznina O., Semenova S., *Filosofskij tekst russkoj literatury 1920–1930-h gg.*, Moscow, 2003. (in Russian)
10. *Istorija v zerkale literatury i literaturovedeniya* (Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, sostoyavshejsya v Gdanske v avguste 2001 g.), Gdansk, 2002. (in Russian)
11. Isupov K.G., *Russkaya ehstetika istorii*, Sankt-Petersburg, 1992. (in Russian)
12. Ivanova N., *Preodolevshe postmodernism*, *Znamya*, 1998, No. 4. (in Russian)
13. Ivanova N., *V polosku, v kletochku i melkij goroshek. Perekodirovka istorii v sovremennoj russkoj proze*, *Znamya*, 1999, No. 4. (in Russian)
14. Kareev N.I., *Moim kritikam. Zashchita knigi "Osnovnye voprosy filosofii istorii"*, Varshava, 1884. (in Russian)
15. Kasatkina V.N., *Poeticheskoe mirovozzrenie Tyutcheva*, Saratov, 1969. (in Russian)

16. Kormilov S.I. “Teoreticheskie aspekty hudozhestvennogo istorizma”, in: *Problema istorizma v russkoj sov. literature 60-80-h godov*, Moscow, Nauka, 1968, pp. 67-97. (in Russian)
17. Korovin V.I., *Rossija zapad v boldinskih proizvedenijah A.S. Pushkina* (“Mocart i Saleri”, “Povesti pokojnogo Ivana Petroviča Belkina”), Moscow, 2013. (in Russian)
18. Kovalenko S.A., “Svyaz vremen v hudozhestvennoj strukture poehmy”, in: *Problemy istorizma v russkoj sovetskoj literature (60-80-e gody)*, Moscow, 1986. (in Russian)
19. *Kratkaya filosofskaya enciklopediya*, Moscow, 1994. (in Russian)
20. Lenin V.I., *Poln. sobr. soch.*, T. 39. (in Russian)
21. Lihachev D.S., V chem sut razlichij mezhdru drevnej i novoj russkoj literaturoj, *Voprosy literatury*, 1965, No. 5. (in Russian)
22. *Literaturnaya ehnciklopediya terminov i ponyatij*, pod red. A.N. Nikoljukina, Moscow, 2003. (in Russian)
23. Losev A.F., “Istoricheskoe vremya v kulture klassicheskoj Grecii (Platon i Aristotel)”, in: *Istoriya filosofii i voprosy kulturny*, Moscow, 1975. (in Russian)
24. Losev A.F., *Antichnaya filosofiya istorii*, Moscow, 1977. (in Russian)
25. Minakova A.M., *Hudozhestvennyj mifologizm ehpiki M.A. Sholohova: sushchnost i funkcionirovanie*: Extended Abstract of ScD dissertation in Philology, Moscow, 1992. (in Russian)
26. Oskockij V., *Roman i istoriya*, Moscow, 1980. (in Russian)
27. Pol D.V., *Universalnye obrazy i motivy v realisticheskoj ehpike M.A. Sholohova*: ScD Dissertation on Philology, Moscow, 2008. (in Russian)
28. Semenkin A.K., *Problema romanticheskogo istorizma v romane N.A. Polevogo “Klyatva pri grobe Gospodnem”*: PhD Dissertation in Philology, Moscow, 2016. (in Russian)
29. Semenova S., *Metafizika russkoj literatury*: v 2-h t., Moscow, 2004. (in Russian)
30. Semenova S., *Metafizika russkoj literatury*: v 2-h t., Moscow, 2004. (in Russian)
31. Semenova S., *Mir prozy Mihaila SHolohova. Ot poehtitki k miroponimaniyu*, Moscow, 2005. (in Russian)
32. Semenova S., *Russkaya poehziya i proza 1920-1930-h godov. Poehtika Videnie mira Filosoфиya*, Moscow, 2000. (in Russian)
33. Shpengler O., *Zakat Evropy*, T. 1, Moscow-Petersburg, 1923. (in Russian)
34. Slavina V.A., *V poiskah ideala: Istoriya russkoj literatury pervoj poloviny XX veka*, Moscow, 2011. (in Russian)
35. Soldatkina Ya.V., *Mifopoehtika russkoj prozy 1930-1950-h godov (A.P. Platonov, M.A. Sholohov, B.L. Pasternak)*: Dissertation in Philology, Moscow, 2012. (in Russian)
36. Soldatkina Ya.V., *Sovremennaya slovesnost: aktualnye tendencii v russkoj literature i zhurnalistike*, Moscow, 2015. (in Russian)
37. Suchkov B.L., *Istoricheskie sudby realizma*, Moscow, 1975. (in Russian)
38. Troeltsch E., *Istorizm i ego problemy*, Moscow, 1994. (in Russian)
39. Trubina L.A., “K voprosu o prirode antinomii Rossiya-Zapad v istoriosofskoj koncepcii Borisa Pilnyaka”, in: *B.A. Pilnyak. Issledovaniya i materialy*, Otv. red. A.P. Auehr, Vyp. 3-4, Kolomna, 2001, pp. 67-73. (in Russian)
40. Trubina L.A., “Nesvoevremennye mysli” Borisa Pilnyaka, in: *V poiskah istiny*, Moscow, 1993, pp. 113-119. (in Russian)
41. Trubina L.A., *Istoricheskoe soznanie v russkoj proze pervoy treti XX v.: Problematika. Poehtika*: ScD Dissertation in Philology, Moscow, 1999. (in Russian)
42. *Zapadnoe literaturovedenie XX veka: Enciklopediya*, Moscow, 2004. (in Russian)
43. Zenkovskij V.V., *Istoriya russkoj filosofii*, T. 1, Ch. 1, Leningrad, 1991. (in Russian)
44. Zinovev A., *Russkij eksperiment*, Lausanne, 1995. (in Russian)

Трубина Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы XX–XXI веков, проректор, Московский педагогический государственный университет, la.trubina@mpgu.su

Trubina L.A., ScD (Philology), Professor, Chairperson, Department of Russian Literature of XX–XXI centuries, Vice-rector, Moscow Pedagogical State University, la.trubina@mpgu.su